

социальных, политических, исторических вопросов в романе. В словах, которыми заканчивается «Новь», Анненков услышал высокую новую тему – на все времена; его размышления звучат как предвиденье грядущей судьбы российской интеллигенции: «Безымянная Русь! Да, это та, которая уже стоит на кафедрах, пишет в журналах, мечется из стороны в сторону под предостережениями, увольнениями, притеснениями. Об ней-то и надо бы упомянуть, она-то и упразднит безобразников, в ней-то и будущность» (1, кн. 2, 44).

Литература

1. Анненков П. В. Письма к И. С. Тургеневу. Кн. 1–2, СПб, 2005.
2. Лебедев Ю. В. Жизнь Тургенева. М., 2006.
3. Стасюлевич М. М. и его современники в их переписке / под ред. М. К. Лемке: в 5 т. Т. 3. СПб., 1912.
4. Тургенев И. С. Полное собр. соч. и писем: в 28 т. Сочинения: в 15 т. Письма: в 13 т. М.-Л.: Наука, 1960–1968.

УДК 821.09"1640/1918"

О. В. Белопухова

*Костромской государственной университет
klepa3367@mail.ru*

РАБОТЫ ШВЕЙЦАРСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДА П. БРАНГА ОБ И. С. ТУРГЕНЕВЕ

В статье анализируются работы швейцарского литературоведа Петера Бранга, посвящённые творчеству И. С. Тургенева.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, П. Бранг, традиция, жанровые особенности.

O. V. Belopukhova

*Kostroma State University
klepa3367@mail.ru*

THE STUDIES OF SWISS SCIENTIST PETER BRANG ABOUT IVAN TURGENEV

*The article analyses the studies of Swiss scientist Peter Brang, in which he deals with creative work of Ivan Turgenev.
Keywords: Ivan Turgenev, Peter Brang, tradition, genre specifics.*

Первая работа П. Бранга об И. С. Тургеневе «И. С. Тургенев и Германия. Материалы и исследования» («I.S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen» (1965)) была чрезвычайно важна в немецком тургеневедении. В монографии довольно подробно исследована область собственно литературных связей и личных контактов Тургенева с его немецкими собратьями по перу, а также роль немецкой классики в формировании его художественного метода. Швейцарский литературовед отмечает в своей работе, что немецкие персонажи появляются уже в ранних пьесах (Шааф в «Месяце в деревне») и повестях Тургенева (семейство Винтеркеллер в «Якове Пасынкове»). Фигура немца, подчёркивает Бранг, претерпевает серьёзную эволюцию в творчестве писателя, породив реалистические варианты, вроде Зои Мюллер в «Накануне», аристократа-дельца Рейзенбаха в «Дыме» или обрусевшего Купфера в «Кларе Милич». Связи с немецкой литературой особенно заметны в повести Тургенева «Ася», считает автор, так что и главная героиня способна обрести в глазах исследователя немецкий литературный прообраз, который, однако, сам Тургенев вряд ли сознательно принимал во внимание (2).

Интерес представляет и работа П. Бранга «Образ Миньоны у Тургенева» (7), где швейцарский тургеневед вслед за Л. Лотман развивает мысль о том, что образ Аси из одноимённой повести имеет некое сходство с Миньонной, героиней романа Гёте «Годы учения Вильгельма Мейстера» (1793–1796). Некоторые внешние черты и черты характера героини Гете, такие

как женственность, которая сочеталась с угловатостью подростка, а также исключительная чуткость и страстная эмоциональность, находят продолжение в характеристике тургеневской Аси. Важным моментом характеристики Сусанны в повести «Несчастливая», по мнению Бранга, также является внутренняя сопоставимость ее образа с «мировым типом» Миньоны – героини романа Гёте. Тургенев продолжает традицию своеобразного переосмысления этого женского типа, дань которому он отдал в повести «Ася». Сходство героинь Бранг объясняет и тем, что при создании этих образов у писателя возникали ассоциации с Миньонкой Гёте. Предательство героя поражает Асю, ей нанесен тяжелый удар. Миньона, которую оставляет Вильгельм, погибает от разрыва сердца. Сусанна кончает жизнь самоубийством.

Одна из ранних статей П. Бранга о Тургеневе называется «Тургенев и -измы» («Turgenev and the -isms») (4). Различные жанры литературы: реализм, романтизм, сентиментализм и прочие -измы Бранг рассматривает как коды для формирования определённой точки зрения на произведение искусства, в данном случае, литературное сочинение. Швейцарский учёный подчёркивает, что определить жанровую принадлежность творений И. С. Тургенева, в отличие от многих его собратьев по перу (Пушкина, Сумарокова, Блока), нелегко. Основным стилем Тургенева автор признаёт реализм, однако это не исключает присутствия черт второстепенных стилей в поэтике русского классика, отмечает он. П. Бранг вспоминает письмо Тургенева к М. А. Милутиной от 1875 года, где сам Тургенев пишет: «...я преимущественно реалист – и более всего интересуюсь живою правдою людской физиономии; ко всему сверхъестественному отношусь равнодушно, ни в какие абсолюты и системы не верю, люблю больше всего свободу – и, сколько могу судить, доступен поэзии. Всё человеческое мне дорого» (8, т. 14, 39). Жанровые особенности других стилей, считает Бранг, проявляются в темах, мотивах, структуре текста в описании характеров и отношений героев.

Значительную часть статьи П. Бранг посвящает романтизму, полагая, что романтизм занимает в поэтике Тургенева особое место. Романтический жанр ранних стихотворений и поэм писателя, где многие моменты остаются необъяснимыми и загадочными, не вызывает ныне сомнений. При этом пристрастие Тургенева к короткому рассказу в воспоминаниях представляет собой реалистичную черту, функция их состоит в том, чтобы объяснить поведение человека на основе его окружения и биографии. Романтический словарь Тургенева (сны, звуки, звёзды, одиночество, блаженство уединения и др.) определяет поведение героя в качестве ключевых слов рассказа. «Яков Пасынков» пропитан поэзией Шиллера, Маттисона, Уланда и музыкой Шуберта. Лемм увлечён музыкой Баха, Генделя и Бетховена. Один из романтических мотивов Тургенева – сон. П. Бранг обращается к книге А. М. Ремизова «Огонь вещей. Сны и предсонье» (1954), где автор собирает в главе «Тургенев-сновидец» удивительную коллекцию снов из произведений Тургенева. Равный по важности другой романтический мотив Тургенева – музыка. Музыка служит, по мнению швейцарского слависта, как средством выражения определённого взгляда на мир, так и используется для характеристики героев. Существуют и другие мотивы, которые у русского классика следует трактовать как романтические: отречение, одиночество, паломничество (Аким в «Постоялом дворе», Софья в «Странной истории», Рудин). Бранг упоминает работу В. И. Дьяконова «Сравнение Тургенева» (1923), где рассматривается вопрос об источниках и особенностях тургеневских сравнений. В своем исследовании Дьяконов изучает своеобразие и неожиданность сравнений, согласованность общего тона и манеры писателя с используемыми им сравнениями, а также силу их воздействия на читателя. Большинство сравнений имеют романтический толк.

Д. Мережковский в книге «О причинах упадка и о новых течениях в современной русской литературе» говорил о Тургеневе как о провозвестнике импрессионизма и символизма, присуждая ему звание «великого русского художника-импрессиониста». Более основательно

к этому вопросу подходили советские исследователи 20-х годов, например, С. И. Родзевич в книге «Тургенев и символизм» (1918). Не раз обращались к отмеченной проблеме современные советские и зарубежные ученые (А. Муратов, Ю. Манн, М. Ледковская, Й. Зельдхейн-Деак, А. Ковач, В. Кошмаль и другие). Так, М. Ледковская, в работе «Другой Тургенев» обращается к проблеме интереса писателя к тайне и иррациональным явлениям. Э. Хайер рассматривает импрессионизм Тургенева не просто как технику импрессионистической текстуры, а как нечто, что связано с авторским взглядом на мир, и это оставляет читателю обширное поле для фантазии. Стиль Тургенева с импрессионизмом сравнил ещё П. Бицилли в 1942 году в книге о Чехове. Однако этот вопрос всегда рассматривался, главным образом, в связи с поздними произведениями Тургенева, таинственными повестями и стихотворениями в прозе). В отношении же романов «Дым» и «Новь» подобная постановка проблемы появилась только в современных работах. Бранг утверждает, что Тургенев и его собрат по перу Гончаров занимались поисками новых форм. Гончаров изобретал символическое содержание, Тургенев – новые стилистические приёмы (4).

В статье П. Бранга «Тургенев – тещ» (2011) собраны свидетельства его современников о чтении Тургеневым художественных текстов вслух и его отношении к «устным формам бытования литературы». Учёный отмечает, что, по воспоминаниям друзей Тургенева, он был занимательным собеседником и умелым рассказчиком, который искусно импровизировал. Автор цитирует тургеневские произведения, где герои читают друг другу вслух. Бранг подчёркивает, многие из повестей Тургенева именно рассказываются: «И наш приятель приступил к повествованию» («Степной король Лир»), «Я расскажу Вам, господа, историю, случившуюся со мной» («Стук... Стук... Стук!...») Мотив тещи встречается у Тургенева там, где описывается быт помещичьей усадьбы. В произведениях Тургенева встречается и тещы из прислуги в богатом доме. Сусанна в повести «Несчастливая» читает часами французские сочинения прошлого столетия. В повести «Степной король Лир» помещик Харлов приказывает казачку Максимке читать «Покоящегося трудолюбца» 1785 года, единственную случайную книгу в доме. В повести «Пунин и Бабурин» Тургеневу важно донести до читателя и манеру чтения, ито, какое впечатление оно производит на присутствующих. Пунин декламирует стихи собственного сочинения размеренным певучим голосом. Романтическое стихотворение студента Михалевича из повести «Дворянское гнездо», прочитанное Лаврецкому, выражает его душевные порывы (5).

Тургенев сам любил декламировать стихи и с удовольствием слушал, как их читают другие. Чаще всего он читал Пушкина. П. Бранг приводит свидетельства современников классика, утверждавших, что Тургенев читал стихи нараспев, торжественно, следуя пушкинской традиции. Немаловажную роль в его жизни играла и декламация произведений зарубежных авторов: Корнеля, Мольера и др. Пробное чтение собственных произведений, иногда и в присутствии издателя, служило апробацией перед публикацией. Особенно часто Тургенев читал знакомым свой первый роман «Рудин», о мастерском чтении ещё неизданного романа «Отцы и дети» вспоминает Н. В. Щербань. Для Тургенева восхищение публики имело большое значение, первая проба перед слушателем было особенно важна. Исходя из замечаний Б. М. Эйхенбаума, Тургенев стремился всегда обращаться к слушателю в своих сочинениях. Бранг объясняет это тем, что писатель хотел и узнать заранее реакцию публики, и дружески посоревноваться с литераторами.

Подводя итог, следует признать, что работы П. Бранга имеют важное значение для изучения творчества И. С. Тургенева в немецкоязычных странах. Швейцарский литературовед не только внёс значительный вклад в изучение проблемы «Тургенев и Германия», но и неоднократно обращался к вопросу о преемственных связях и жанровых особенностях произведений русского классика.

Литература

1. Brang P. Ist Turgenev veraltet? Zum 100 Todestag des Dichters am 3. September // NZZ, 3./4.9.1983. S. 65.
2. Brang P I. S. Turgenev und Deutschland. Materialien und Untersuchungen. Bd. 1. Hrsg. G. Ziegengeist. Berlin, 1965.
3. Brang P. I. S. Turgenev. Sein Leben und sein Werk. Wiesbaden.Harrassowitz, 1977.
4. Brang P. Turgenev and the –isms // Russian Literature. XVI, 1984. IV. S. 305–309.
5. Brang P. Turgenev čtec // Studislavistici VIII, Rom.,2011.P.79–94.
6. Brang P. Zu Turgenevs ästhetischem Credo // Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956, zusammengestellt von M. Woltner und H. Bräuer. Berlin., 1956. S. 83–90 (= Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Univ. Berlin, 9).
7. Образ Миньоны у Тургенева // Сравнительное изучение литератур: сб. ст. к 80-летию академика М. П. Алексеева. Л., 1976. С. 285–292.
8. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма: в 18 т. / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). М., 2003. Т. 14.